

Солдатова Наталия Олеговна, соискатель
Казанский (Приволжский) федеральный университет, кафедра социальной
философии и культурологии философского факультета

«Смерть социального?!»

«Подобно тому, как брошенный в воду комок соли растворяется в воде и нельзя вытащить его снова, но какую часть воды ни возьмешь - она соленая, поистине, так же и эта великая, бесконечная, безграничная, состоящая из одного лишь распознавания сущность, возникнув из элементов, исчезает в них».

Яджнявалкья, Брихадараньяка-упанишада (II, 4), X век до н.э.

Проблема «смерти социального» не является ни новой, да и ни самой яркой проблемой нашей с вами современности. Существовавшая, казалось бы, всегда, она все же не препятствовала разворачиванию всеобщего исторического процесса: революциям и свержению власти, войнам, межрасовым конфликтам и пр. Когда же возникал вопрос о «смерти социального», то это походило больше на мимолетную вспышку в узких кругах философов [Ф.Ницше]. Однако событие, длящееся на протяжении 1933 – 1945 годов и названное «Холокост», смогло на доступном каждому языке показать действительно возможный конец социального.

Говоря о категории «социальное», необходимо упомянуть о том, что она является довольно спорной и размытой и может обладать довольно ярким идеологическим привкусом [Ф.А.Хайек]. Под социальным будем понимать надприродное, надорганическое бытие человека – его духовную

жизнь. С другой стороны, социальное есть социетальное, т.е. сложная сеть взаимодействующих коллективов, включающая экономические, политические, культурные отношения между социальными группами, этносами и т.д. Социальное – сумма абстрактных инстанций, его воспроизводящих, пишет Ж.Бодрийар. А, значит, ненасытную абстракцию, питающуюся сутью социального. Социальное, производя в первую очередь массовое сознание, разрушается тем же, что его воспроизводит (например, средствами информации). Время существования социального трудно определимо: существовало оно раньше, существует только в пространстве перспективы или же его никогда не было.[1] Социальное не успевает раскрыть нам свои тайны, будучи захваченным симулякрами, – таков ответ Ж.Бодрийара.

Бесспорно, человек всегда задавался вопросом о характере современного ему общества, был ли ощутим процесс прироста или упадка социального. Конец социального, прежде всего как культуры, предрекался обществу неоднократно. Египетский жрец о состоянии современного ему общества, существовавшего чуть меньше 2 тысяч лет до н.э.: «Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, *конец мира уже не очень далек*». Надпись на глиняном сосуде, полная скорби и разочарований: «Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. *Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру*» – Древняя Вавилония, 3 тыс. до н.э. На протяжении всей истории человечества социальное приходило в упадок, затем применялись попытки его реанимации и возрождения. Причинами кризиса социального могли послужить кризисы политические, экономические, экологические и др. Однако никакие изменения исключительно в социальной сфере жизни общества не могли сыграть

ключевую роль в разрушении цивилизации, т.к. они носили довольно латентный, скрытый, локальный характер.

Яркой нитью на полотне истории вышит феномен холокоста, как систематического преследования и уничтожения европейских евреев нацистской Германией и коллаборационистами (куда входили многие страны Европы и оккупированная территория СССР) на протяжении более десятка лет. Отличительной чертой этой трагедии была технология конвейера, подразумевающая массовые смерти. И это уже невозможно выдать за временное умопомрачение западного вполне здорового мира. Описание этой машины разрушения, где влияние промышленности ощущалось на бухгалтерском учете, режиме экономии [Лео Купер], вполне соответствует предложенному Максом Вебером описанию современного делопроизводства (быстрота, снижение материальных затрат и т.д.). Выбор физического уничтожения как средства очищения территории рейха от евреев был результатом экономических расчетов. Событие, тотчас обратившее на себя внимание всего мира, заставило усомниться нас самих в своей же разумности и причастности к человеческому роду.

Двуликий Янус – два лица: лицо высочайшего расцвета западно-европейской культуры и другое лицо, непривлекательные черты которого могут проступить при внезапной смене декораций. Холокост, как столкновение старых противоречий, проявил себя на высшей стадии развития цивилизации, и вот почему это проблема культуры человечества. *Но есть весьма обоснованное подозрение, что холокост не был антитезой развитой современности, а являлся продолжением, расширением поля видимости современных социологов.* «Освенцим, как символ Холокоста, был расширением современной фабричной системы. Только здесь производились не товары. В качестве сырья выступали люди, а конечным продуктом была смерть... Блестяще организованная сеть железных дорог современной Европы доставляла новый вид сырья на фабрики... Это было

не что иное, как масштабный проект социальной инженерии, "улучшения" общества на основе "научной" теории о селекции рас...» [2] К слову, нельзя сказать того же об убийствах жителей Армении, южной Франции и республики Бурунди в Центральной Африке, Индонезии, Камбоджи и многих других социальных групп, которые стали жертвами грубого истребления.

Современная цивилизация не была достаточным условием холокоста, однако, она была необходимым условием. [3] Таким образом, холокост является уникальным тестом на скрытые возможности современного общества. Проявляется *социальное производство моральной неразличимости*: в результате идеологической обработки «действия рутинизируются,.. а жертвы насилия дегуманизируются».[4] Результатом становятся действия, которые никто не хочет присвоить. Никто не собирается нести ответственность за происходящее.[5]

Необходимо обратить внимание на уникальную универсальность и вневременность проблемы антисемитизма. Абстрактный еврей являлся воплощением кошмара, угрозой обществу, носителем ереси (антихристианского учения) и всевозможных отклонений. Главное, он всегда покушался на границы государств. «[Еврей] был проводником большевизма, но – и это весьма забавно – он одновременно отстаивал либеральный дух прогнившей западной демократии. С экономической точки зрения, он был и капиталистом, и социалистом...»[6] Евреи всегда напоминали обществу о социальных потрясениях.

В то время как весь западный мир развивался, еврейское общество воспроизводило новые поколения без видимых изменений. Непозволительная роскошь спокойствия и гармония были брошены в лицо европейскому человеку. В это время началась ассимиляция, при которой внешние отличительные черты евреев сглаживались. Нацистская революция стала опытом социальной инженерии, предполагая расовую

политику. Самым простым был путь через решительное устранение недостойной жизни. В качестве подспорья был объявлен целый конгломерат наук (в т.ч. медицина) как новейший способ взаимодействия природы и человека.

Вера в *искусственность* общественного порядка и отношений между людьми, возможная только на высокой стадии развития общества, послужили последней причиной в появлении истребительского антисемитизма. «Евреи заслуживали смерти, потому что они стояли между несовершенной реальностью и желанным миром счастья» – вот лозунг, под которым началось «изменение» западного общества.

Ни неспособность доказать, что злоумышленники были сумасшедшими, ни невозможность больше понимать действия общественных учреждений, бюрократического аппарата, а невозможность постичь нашу западную цивилизацию, допустившую появление холокоста – вот, что мешает нам понять (и принять ответственность за) холокост. С исчезновением очевидцев этого феномена, *возможность холокоста* никуда не исчезает. Массовое убийство – не современное изобретение, и в этом смысле холокост – не уникальное явление. Но это также означает, что общинная ненависть была с нами всегда, и не существует возможности избавиться от нее.

Только современный геноцид – геноцид с целью. Конечная цель – это восхитительный образ лучшего и радикального изменения общества.[7] Культура определяет себя как схему идеальной жизни. Недоверие к природе влечет стремление к искусственному порядку. Холокост есть побочный продукт стремления к упорядоченному миру. Он представляет собой вызов социальной теории, который нельзя легко отвергнуть. Возможности человека превращаются в неконтролируемые вероятности. Человек более не владеет ситуацией – или, по крайней мере, ситуация

определяется в другом измерении, которое ему более неподвластно. Он стал инструментом, с помощью которого и благодаря которому Другой может действовать. Он не осознает это рационально, но испытывает чувство неловкости или дискомфорта, что является одной из самых главных черт современного человека.[8]

Слова Рауля Хильберга[9] напоминают нам: если раньше вопрос звучал: «существует ли цивилизованная нация, способная на такое?», то после холокоста вопрос полностью изменился. Теперь мы спрашиваем себя: «есть ли какая-нибудь западная нация, не способная на это?»

Примечания:

1. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Пер. с фр. Н. Сулова, Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – с. 72 – 92.
2. Henry L. Feingold. How Unique Is the Holocaust? // Genocide: Critical Issues of the Holocaust / Ed. by Alex Grobman, Daniel Landes. – Los Angeles: The Simon Wiesenthal Centre, 1983. – Pp. 399 – 400.
3. Бауман З. Актуальность холокоста. Пер. С. Кастальского, М. Рудакова, Москва: Европа, 2010. – 316 с.
4. Бауман З. Актуальность холокоста. с. 38 – 39.
5. На одной из лекций русского философа и востоковеда А.М.Пятигорского, прочитанных им на факультете психологии МГУ в 2006 г. и посвященных Буддизму, был задан вопрос об ответственности воинов за убийство. Ответ, данный Пятигорским, был противоположным всему хорошо знакомому нам западному рационализму: ответственность ложится на всех участников равная: на тех, кто давал указания, и на тех, кто эти указания исполнял.
6. Бауман З. Актуальность холокоста. с. 60.

7. Бауман З. Актуальность холокоста. с. 111 – 118.
8. Alfred Schutz. Sartre's Theory of the Alter Ego // Philosophy and Phenomenological Research. N. Y., 1948 №9. – 1948. – Pp. 181 – 199.
9. Бауман З. Актуальность холокоста. с. 236.
10. Адорно